

РОМАН ГОЛОТВИН



ВРЕМЯ
ЖИВОЕ и МЕРТВОЕ

Хрупкая ткань времени. Фантастика для подростков

Роман ГОЛОТВИН

Время живое и мертвое

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Голотвин Р.

Время живое и мертвое / Р. Голотвин — «Эксмо»,
2026 — (Хрупкая ткань времени. Фантастика для подростков)

ISBN 978-5-04-247374-6

Одним самым обычным днем Мишка Щербинин узнает, что понятие времени не столь однозначно, как принято считать в современном мире. Ведь бывает, что минуты тянутся бесконечно, а ты уже столько всего успел, либо же наоборот, мимо тебя проносятся часы, хотя ты только-только взялся за дело... Все потому, что есть время живое, настоящее, и цифровое, мертвое, и последнее норовит заполнить собой все вокруг. Получив от деда особые часы, Михаил начинает видеть стражей цифрового времени, которые открывают на него охоту, распознав в нем страшную угрозу. Заручившись помощью одноклассницы Дашки и таинственного Часовщика, старшеклассник бросает вызов властителям цифрового мира и готовится к битве, результат которой может навсегда изменить привычную реальность.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-04-247374-6

© Голотвин Р., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Роман Голотвин

Время живое и мертвое

Серия «Хрупкая ткань времени. Фантастика для подростков»



© Голотвин Р.Н., текст, 2026

© wагіттопп, иллюстрации на обложке, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Время правильное и неправильное

Разговор этот Мишка подслушал случайно. Задержался на тренировке, бежал на автобус, мельком глядя под ноги. Подпрыгнул, перескакивая снежный отвал, и чуть не вляпался в россыпь черных горошков, щедро рассыпанных вокруг. Поспешно подпрыгнул еще раз, но попал на лед, поскользнулся и кувырком пролетел метра три, хорошо не на дорогу. Рапира в кофре приземлилась рядом. Не хватало еще вывихнуть ногу.

Горошки сыпались из козы, которую тащил на веревке мужик в ватнике. Поверх ватника был напялен оранжевый жилет со светоотражающими полосами. В центре Москвы. Коза на веревке. И черные горошины, густо усеявшие грязноватый снег. Лихо. Если бы не коза, он бы и внимания не обратил. А тут запахло необычным. В смысле не козой и горохом, который она раскидала, а необычным ощущением, будто случится что-то странное. Весь день был необычным: в школе перепутали расписание и звонки были не вовремя, народ глумился. На тренировке не успел переодеться и сразу заработал штраф. Несправедливо, конечно, потому что пришел за полчаса, даже не болтал много. Девчонки хихикали, а он отбивался от тренера в «наказательном» быстром поединке. Ребра и рука болели до сих пор. Потом все автобусы опоздали и он полчаса мерз на остановке. Пошел пешком до метро, передумал, плелся три квартала на другой автобус и вот.

Автобус уехал, козу увели, а он сидел на снегу, потирая ушибленное колено, и тут услышал:

– Который час, не подскажете?

Спросили за спиной, и так, с претензией. По голосу было слышно, что это бабуля, но не простая, а типа Варвары Николаевны с пятого этажа. «Интеллигенция в пятом поколении», как говорит отец. Мишка термин «интеллигенция» представлял специфически: сравнить было особо не с кем. По Булгакову выходило, что это образованные и совершенно не приспособленные к жизни люди; судя по отцовским словам – «много гонора при отсутствии денег». С латыни – «знающий, понимающий». Латынь Мишка не знал, но гуглить умел. Соседка сверху держалась всегда прямо, важно, слова выговаривала четко и с такой интонацией, как будто она знает точно больше тебя. Вот и сейчас голос у бабули был именно такой.

– Половина четвертого.

«Ох, блин, уже половина! Опоздал...» Мишка подскочил, держась за колено, и тут услышал:

– Ну нет, такое время мне не нужно!

Вот тут он уже оглянулся. Время. Опять это время. Который уже раз за последние дни про время? Бабуля и правда оказалась важной: в высокой смешной шапке и длинном пальто, из-под которого блестели лакированные ботинки с полированными пряжками, немислимые зимой. Как из кино сбежала, и обувь прихватила. Девушка, подсказавшая время, держала в руках включенный мобильник и растерянно смотрела то на старушку, то на экран.

– А какое еще вам время надо? Половина четвертого, точно вам говорю, вот смотрите...

– Не нужно мне время из телефона, – капризно заявила старушка, блестя смешными очками-половинками. – Мне нужно время из часов! А это оставьте себе... Благодарю покорно...

Она недовольно отвела руку с телефоном от своего лица, перехватила поудобнее сумку и засемила по тротуару в сторону высокой сталинки, где горели огни гастронома.

В каком-то смысле Мишка с ней согласился. Время и в самом деле шло черт знает как. Выходишь заранее – опаздываешь, садишься за уроки – и оно ползет еле-еле. С Егором решили схлестнуться в контру¹ – полетело как бешеное...

Тут Мишка все же вспомнил, что опаздывает, и как раз к Егору. Автобуса ждать было глупо, от остановки еще пилить, но если напрямую... Он подхватил кофр с формой и рапирой, на ходу отряхиваясь, и тоже помчался, но в другую сторону. Через маленький сквер, мимо дорожек, распахивая слежавшийся снег, через большой, заставленный машинами двор, и дальше – там еще будка должна быть трансформаторная с граффити, от нее нужно в правый сквозной подъезд. Тогда можно выскочить на закрытую внутреннюю парковку и к проходу через стройку. Если его еще не убрали. Строят сейчас до черта: никак не привыкнуть к тому, что если пешком идти, то приходится почти наугад даже по знакомым путям.

Мороза почти не было и бежалось легко, будто он не отмахал сейчас на тренировке рапирой почти два часа, и силы были, и колено почти не болело. Мишка предполагал, что все дело в цели и стимуле. Если бы сейчас надо было домой, то он точно не торопился бы. Дождался бы автобуса, шел бы от остановки нога за ногу, потому что дома – ну а что там? Там дом, мама ужин, наверное, готовит; папы нет еще, он в институте своем пропадает. Дед в комнате у себя сидит опять, молчит, в книжки уткнулся. С ним сейчас не интересно стало. А вот если ты летишь к приятелю, чтобы резаться в приставку, бродить по коридорам замка и косить нечисть – тут словно новые силы появляются. Бежишь и не замечаешь, что устал. Подеградировать силы находятся непонятно откуда.

Про время он еще думал, но вскользь и в основном недоверчиво. Это как про воздух думать или про силу тяжести. От твоих мыслей ровно ничего не поменяется. Все давно изучено, а что не изучено – разложено в теориях и умных книжках. Семьдесят восемь процентов азота, двадцать один процент кислорода и по мелочи неона, гелия, метана и водорода². То же и с всемирным тяготением в один «же»³. Ты на земле, и жить здесь можно только так, даже если не хочется. Со временем та же ерунда. Хотя вот... время из телефона, может, и правда дурацкое? А у бабки-то небось свое время, из часов, она по нему и живет, логично.

Мишка перебежал дорогу и огляделся. Теперь быстрее всего было срезать через арки огромного многоподъездного серого дома, потом еще пустырь, где стройку никак не начнут уже год, и только арматура торчит жуткими железными букетами, а потом овраг. Летом через него напрямую было не пройти: разрастались кусты, и под ногами в низине нормально так хлопало. Сейчас все в снегу и замерзло наверняка. За оврагом там всего две улицы, спортивный комплекс, и до дома Егора «один раз упал, и там уже». Должен успеть к четырем, не начнут же они без него?

Это была мысль не очень комфортная. У Егора была пятая плейка, довольно продвинутый планшет, смартфон, а у Мишки дома ничего. Ну кроме телефона, ненового и с разбитым экраном, и отцовского планшета. Был еще ноут «для учебы», слабый и не способный потянуть ни одну приличную игру. И вроде не совсем бедствовали, отец нормально зарабатывал у себя в институте, но... Еще и нудели постоянно, что гаджеты зло и нужны только для учебы и лучше бы книги читал. Он и читал, и много, но поиграть иногда хотелось до жути. Но дома было не на чем, да и неинтересно одному рубиться.

Открыл дверь младший брат Егора. Хмыкнул и махнул рукой в сторону комнаты брата, откуда рычали монстры и грохотали заклятья. Егор и Макс его не дождались и уже вовсю кромсали чудовищ в капусту на четвертом уровне сложности. Мишка посмотрел на время в своем мобильнике. Как же так? Бежал изо всех сил; там, если прикинуть, всего полчаса ходу макси-

¹ Counter-Strike – многопользовательская компьютерная игра в жанре шутера.

² Химический состав атмосферы воздуха.

³ Ускорение свободного падения.

мум. Мобильник показывал 16:32. Что же он, час шел пешком? Или у девчонки на остановке часы неправильные? И эти, друзья еще называются...

– Прости, чел. – Егор быстро менял в инвентаре оружие и скидывал в сундук награбленное. – Нам рубиться всего часа три, пока родаков нет. Заново не будем уж начинать. Где ты был-то? К четверем же договорились?

Тут он был прав. Все верно, сейчас влезать в бой уже не было никакого смысла: они слишком далеко ушли. Да и персонажа создавать... Мишка посидел немного, понаблюдал, как друзья бродят по подземельям, собирая артефакты, а потом вздохнул и пошел одеваться. Теперь точно уже некуда торопиться и можно идти и размышлять о невезении и о том, что время опять подвело.

«Дурацкое какое время, – думал Мишка, спускаясь на лифте, – неделю собираться, договариваться, придумывать и вот так пролететь из-за какой-то ерунды». На улице было тихо и крупными хлопьями сыпался снег.

Вот странное дело: как только никуда не торопишься, минуты ползут еле-еле. Будто дела как-то ускоряют время, толкают его, шевелят, а как только наступает безделье, эскалатор снова замедляется. В торговом центре так. Без людей лесенка-чудесенка еле движется, но стоит поставить на нее ногу – и вот она уже побежала быстрее. А сошел – и опять поползла ме-е-е-едленно. Может, и тут так? Чем больше дел, тем быстрее все мимо проносится. Оглянуться не успел, а на улице стемнело и вечер уже.

Город помаргивал светофорами, фонарями и первыми гирляндами к новому году. Светящейся рекламы было не так много, да и надоела она, а вот елкам Мишка всегда радовался. Сейчас рабочие собирали большую такую на парковке перед магазином. Мишка постоял, с удовольствием наблюдая, как они, стоя на подъемнике, развешивают большие золотистые шары. Классно все-таки, что есть вот такие вещи, которые почти не меняются. Елки, гирлянды, мандарины. Нет, мандарины – это слишком. Что там еще ему нравилось в новогодних праздниках? Подарки? Их было не очень много, и Мишка знал, что мама и отец всегда тщательно выбирают, что ему подарить. Они по инерции все еще притворялись, что подарки дарит Дед Мороз, а он снисходительно подыгрывал им и сам не замечал, как включался в эту игру. Было в этом какое-то уютное удовольствие: все равно что достать смешную игрушку, которую тебе подарили давным-давно, но ты все еще ее любишь. И выкидывать не хочется. Бывает, берешь и играешь. Не всерьез, так, просто чтобы вспомнить, каково это. И немножко неловко перед собой, но если никто не видит, значит, можно?

Рабочие включили гирлянды, и елка засияла. Да, красиво.

Дома мама удивилась, что Мишка вернулся так рано, и тут же радостно отправила его на кухню чистить картошку.

– Раз такой быстрый, помоги на кухне, ужин сам себя не сделает, – сказала она и кивнула на раковину. – Руки только помой.

Мишка спорить не стал. Он опять угадал: мама, ужин, у деда тихо, отца дома нет.

– Мам, – сказал он, выбирая нож, потом картофелину, потом с удовольствием снимая с картошки стружку, – ты когда-нибудь замечала, что время странное? Нелинейное. Как надо куда-то успеть – вечно опаздываешь, а как не надо никуда, так времени вагон? Что вообще происходит со временем? Почему оно так неровно двигается? Или это у нас восприятие кривое?

– Насколько я помню физику, дружок, время зависит от кучи вещей: скорости земли, солнца и еще чего-то там, так что заметить разницу человек не в состоянии. Хотя... отец бы тебе расписал в красках закон Мерфи⁴, но я думаю, все проще. Просто ты недисциплинирован-

⁴ Закон Мерфи – также известный как «закон подлости»; шуточный философский принцип, который гласит: «Если что-то может пойти не так, то оно пойдет не так».

ный и не умеешь ценить время, – мама отобрала у него нож и выдала смешную овощечистку, – и сейчас вся картошка в кожуру уйдет.

– Ну и ладно, – проворчал Мишка себе под нос, – Картошки еще много. И вообще, я думаю, во времени дело. Мы всегда валим на человеческий фактор, а если нет? А «неправильное время» звучит как интересная теория. Как теория. Например, время всегда с положительным зарядом, как электроны, а тут сменило заряд и опа... Никто ничего не успевает. Было правильное – стало неправильное.

– Какое еще неправильное время? – засмеялась мама. – Ты деда наслушался, что ли?

– Дед последнее время со мной не дружит, – сказал Мишка. – Книжки наши друзья, внуки наскучили.

– Глупости говоришь. Ты сам к нему не заходишь, с тех пор как в секцию свою записался. Вспомни, вы раньше вместе играли, мастерили что-то. А как он из больницы вернулся – ты уже вовсю носился со своим Егором и его приставкой.

Это было неприятное, неудобное воспоминание. Мишка и раньше чувствовал неловкость из-за того, что перестал заглядывать к деду. Каждый раз, приходя домой и видя на вешалке дедово пальто, он подавлял и проглатывал эту неловкость вперемешку с досадой. Поэтому сейчас он засопел, сильнее налегая чистилкой на картофелину, и спросил:

– А чего наслушался? Он про время что-то говорил?

– Вот молодец! Тебя как будто рядом не было, да? Не стыдно? До больницы он только про время свое и говорил, правильное и неправильное, – пробормотала мама, но, спохватившись, что зря затеяла этот разговор, по-быстрому свела его на нет. – Может, оно и неправильное, но такое, какое уж есть. Поставь-ка кастрюлю на газ и кидай сразу туда.

Мишка слушал внимательно, даже картошку чистить перестал. Пока дед не загремел в клинику, он и в самом деле почти не обращал внимание на дедовы рассуждения. Почему? Да потому что старик нес какую-то чушь – родители сами так говорили. А теперь стыдят, что он про деда забыл. Просто замечательно. Хотя – стоп. Что там про время?

Мишка дочистил и почти не глядя отправил картошку в кастрюлю. Брызги горячей воды попали на руку.

Что за день-то такой? Появилось незнакомое тоскливое ощущение, словно должно случиться что-то, но уже не странное, а плохое. Мишка оглянулся. Мама резала огурцы. А за ее спиной, в дверном проеме кухни, стоял дед и делал Мишке какие-то знаки. То ли «молчи и убегай», то ли «ничего не говори». Это было еще страннее. Мишка кивнул и повернулся к раковине. Пальцы немного дрожали. Да что происходит?

Как только Мишка зашел в комнату деда, тот сразу плотно прикрыл дверь и еще раз сделал знак молчать. Прихрамывая, подбежал к стене, с хрустом опустил медную шишку на своих древних ходиках⁵ почти до самого пола. Часы защелкали, заклацали шестеренками и выпустили кукушку из домика. Птица молча высунулась в окошко и тут же спряталась назад. Комнату наполнило уютное тиканье.

– Теперь можно поговорить, – заговорщическим тоном сказал дед, усаживая Мишку в кресло напротив себя, и было непонятно, шутит он или, наоборот, серьезен. Он и прежде всегда отчаянно погружался в игры и с одинаковым азартом рассказывал и о путешествиях, и об устройстве пылесоса, и о том, как самому сделать меч. Но сейчас вид у него был такой, словно он играет в какую-то детективщину, и очень увлеченно.

– Прежде всего, не болтай про время с посторонними, – сказал дед. – Это опасно и может плохо кончиться. Только со мной. Ты вообще как во все это влез? Кто тебе сказал про неправильное время?

⁵ Ходики – небольшие настенные механические часы.

Мишка смотрел на деда с жалостью. Нет, он всегда любил его, этого веселого и умного старика, способного и воздушного змея сконструировать, и в джедаях разобраться. Они крепко дружили когда-то и даже планировали путешествие вдвоем в горы, а потом... Потом случилась беда. Беда называлась инсульт: застала старика на улице, прохожие вызвали скорую, и никто так и не узнал, как все случилось. После больницы дед начал заговариваться; твердил, что все живут неправильно, и скоро весь мир полетит в тартарары, и кто-то там его подчинит или захватит. Да, Мишка вспомнил все это сейчас, и снова отдалось в груди виноватым ощущением это воспоминание. Деда свозили тогда к психиатру, и старик замкнулся, замолчал. Перестал всех доставать, сидел себе в комнате и читал. Половину пенсии строго отдавал в семейный бюджет, а на оставшееся накопил старых часов и возился с ними. Мишка знал, что кукушка у деда работает с перебойми, прямо как на его старых ходиках, поэтому молча слушал и жалел его. Но раз мама говорит, значит, идеи свои про время он не забросил.

– Да ерунда, – сказал он наконец, видя, что дед прямо подпрыгивает в кресле от нетерпения, – случайно услышал. Бабулька одна ругалась, что ей время из мобильного подсказали, а ей надо время из часов... странно это, нет?

Тут он остановился, потому что увидел в глазах у деда страх.

– Чего?

Дед немного помолчал и, вздохнув, сказал:

– Я струсил. Придумал себе, что они не остановятся, что за вами придут. Часы остановил. Испугался. Предал его, получается...

Жутковато и непонятно это звучало. Мать как-то рассказывала, что дед не совсем двинулся: просто путает реальность и вымысел. Вот и сейчас это выглядело как очередной бред больного человека. Мишка прекрасно понимал, в каком мире он живет, и нужно было что-то поубедительнее, чтобы заставить его усомниться в основах мироздания. Болезнь деда явно была реальнее, чем его теории про неправильное время. Реальнее и страшнее.

Сейчас он сидел, смешной, растрепанный, в своем махровом халате и тарачился, пытаясь что-то объяснить.

– Погоди, дед, все хорошо, – сказал Мишка, и голос дрогнул. – Я тебе верю, все нормально...

Старик нахмурился, а потом решительно сказал:

– Я знаю, как абсурдно это звучит. Я не псих, Мишук. Я ничего не придумал, это все правда настолько правдивая, что сочинить такое сложно. Я так долго размышлял: как тебе об этом рассказать, да и рассказывать ли?

Дед нахмурился и замолчал. Лицо у него было сердитое. Последний раз такое же выражение у него было месяц назад, когда Мишка просыпал его иван-чай и раскокал банку.

– Я предал его. Время. Испугался. За вас за всех, за себя. Трус я.

Мишка сел рядом и приобнял деда за плечи.

– Какое время, дед, ты чего?

– Время! – вскрикнул старик, сбрасывая с плеча руку внука. – Истинное время, которого почти не осталось.

Он вскочил и заходил по комнате.

– Я все искал повод рассказать. И не было его. Не было, понимаешь? Мозгоправ чертов знаешь, что сказал? Параноидальное расстройство. Но это не расстройство, все так и есть, это такая правда, что я даже не знаю.

Он остановился и уставился на внука:

– Так. Ты на кухне сегодня просто так болтал?

Мишка озадаченно нахмурился.

– О чем? О времени? Да я не знаю. Мне иногда кажется, что время идет рывками.

– Не кажется, – перебил дед. – Не кажется! Все так есть. Я сам в этом не очень разобрался, но время разное. Есть живое, а есть ненастоящее. Мертвое. Вот сейчас кругом оно. Время из батареек, из мобильных телефонов, электронных часов – все это мертвое, искусственное время, фальшивка, понимаешь? Истинное время идет из настоящих часов, бабулька эта твоя все правильно сказала. Не смотри так, Мишук, мое слово твердо, ты знаешь. Я сейчас не с ума сошел и доказать могу, если послушаешь. Ведь слушаешь?

Это он ловко Мишку поддел, может, даже сыграл на жалости – последнее слово так и прозвучало. Неважно. Мишке и вправду жалко было старика, и он кивнул. Даже в уголках глаз защищало. Он потер лицо, чтобы не было заметно.

– Послушаю, Саша, рассказывай.

Была у них с дедом когда-то такая игра, давно, еще в детстве. Мишка звал его по имени, как приятеля, и это было забавно: словно пароль, означающий, что они на одной волне. «Сашка, догоняй», – орал внук деду, пускаясь бегом. «Михаил, что за фамильярность?» – кричала мама вслед, а дед уже неся большими скачками, хрипя: «Куда ж ты денешься, голландец Михель?!» С тех пор прошло так много времени, что ощущение это почти забылось. Но вот выпрыгнула напоминка о том, как они понимали друг друга. И назвать деда Сашей было хоть и нелепо, но необходимо, словно Мишка соглашался встать на его сторону. Не Александром Федоровичем, как звал деда отец, не Теодорычем, как звали друзья. Нет. Именно Сашей. Глаза у деда повлажнели.

– Ты заметил, Мишук, что все то время, что мы носим с собой, – оно быстрое, безжалостное, ускользающее из рук. Оно вырабатывается из этих чертовых электронов, а ты знаешь, что это? Я знаю только теоретически, хоть полжизни на физику потратил. Да и никто не знает толком. Электроны эти проклятые скачут все время, и вовсе не там, где положено. А получаются из этого страшные вещи: только что было без четверти, а смотришь через пятнадцать минут – час прошел. Только отвернулся – везде опоздал.

Мишка вздрогнул, но виду не подал.

– Все эти электронные часы, телефоны, батарейки и прочий хлам годятся только для того, чтобы узнавать, насколько ты опоздал. Или что никуда не успел. Скажешь, не так? Каждый, кто по этому мертвому времени живет, носится как угорелый, ничего не замечает, все пытается успеть и ничего не успевает. Но не все такие!

Дед сделал странный жест рукой и оглянулся.

– Есть те, кто успевает, – сказал он вполголоса, и Мишка увидел, что глаза у него стали прищуренные и жесткие. – И те, кто временем этим прекрасно пользуется. Я сам узнал об этом случайно; удивлялся, думал: надо же, открытие сделал... прикладник чертов... а когда попытался с ними поговорить...

Видимо, он вспомнил что-то плохое. Лицо исказила болезненная гримаса. Мишка вскопчил было позвать родителей, но дед схватил его за руку.

– Не надо никого звать, сейчас пройдет...

Мишка чуть не плакал. Дед сидел, скрючившись, зажмурившись, прижав худые руки к груди слева. И выглядел... Черт, он и выглядел именно так, что впору было бежать за родителями и вызывать скорую.

– Ты давно видел человека с механическими часами на руке? – спросил слабым голосом дед, открывая глаза. – Ты знаешь, сколько сейчас стоят хорошие механические часы? Кто их может себе позволить? Почему часовые мастерские закрываются одна за другой? Это даже не разговор. Истинные механизмы поддерживают ткань времени, вплетаются в поток, но он давно поредел и истощился. Время умерло, Мишук, сейчас кругом все цифровое, а значит, мертвое.

Пока он говорил, Мишка думал о многом. О том, что дед ведь еще не старый, а, видимо, придется снова вести его по врачам. О том, что в его словах что-то есть, особенно про опоз-

дания. Еще он представлял мертвое время как матрицу из кино, и получалась страшенькая картинка – если вдруг все это правда. Страшенькая и заманчивая.

– Вспомни, какое было время, когда ты был маленький? – старик поднялся, покачиваясь, и снова сел. Махнул рукой, мол, посижу еще. – Ты приезжал к нам с бабушкой, еще когда дом не сгорел, помнишь? Время не летело, ты сам его запускал вот на этих ходиках...

Он показал рукой на стену комнаты, где тикал маленький домик. Рука дрожала, кисть ходила ходуном.

– Вспомни, Мишук, ты сам опускал гирьку, и как долго длились дни? Бесконечные вечера! Ты все успеваешь, тысячу дел, и еще оставалось время... Это было истинное время. Его отсчитывали настоящие часы. Не вот это вот...

Дед брезгливо покосился на мобильник в руке внука.

– Они батарейки сейчас во всю механику вставляют. Убивают истинное время, убивают. И сами им крутят как хотят. Ты думаешь, почему ты всегда опаздываешь, хотя вышел заранее и должен был все успеть? Они двигают его как хотят, свои процессы прокручивают. Мертвому времени все равно, оно не сопротивляется...

– Да кто они-то?

Дед не ответил. Вскочил, дохромал до шкафа, долго рылся в нем и, наконец, достал часы. Золоченые, строгие, скучные, с цифрами на черном циферблате. Мишка ни разу их у деда не видел, иначе бы запомнил.

– Вот смотри, это классическая модернизированная модель «Луч». Редкая и очень сильная штука. Считай, как автомат Калашникова и бронежилет в одном. Они генерируют настолько сильный временной поток, что защищают тебя от сдвигов. Смотри.

Дед завел часы, защелкнул зубчатое колесико-коронку, вдавив его в корпус, и поднес часы к Мишкиному телефону. Если бы Мишка не видел сейчас все это своими глазами, не поверил бы. Цифры часов в мобильнике задрожали и начали меняться. Сам смартфон исправно светился, все было в порядке и только цифры, как на спортивном секундомере, менялись с бешеной скоростью, мерцая и словно пытаясь пропасть совсем. Мишка увидел, как воздух вокруг мобильного задрожал, словно от сильной жары. Поплыл волнами. И в какой-то момент часы на экране мобильного пропали. Только что были – и нет их. Пустое место на экране. Это было круто. Нет, больше, чем круто. Дед отвел свои наручные часы с черным ремешком в сторону, отщелкнул зубчатое колесико и чуть двинул стрелки назад. Остановил.

Часы на мобильнике словно испугались так, что не хотели появляться.

– Вернутся, – проворчал дед, – потом. Против истинного времени никаких шансов у этой дохлятины. Теперь слушай.

Он взял внука за плечи и внимательно взглянул ему в глаза.

– Я тебе все это зачем рассказал... Цифровое время везде, другого сейчас нет. Я сунул нос в это дело, и меня чуть не угробили. То, что врачи называли инсультом, – это их рук дело, подловили меня. Поэтому, Мишук, я серьезно говорю: не влезай в это. Борьба с ними бесполезна. Я не смог, и ты не пробуй даже. А услышишь про настоящее время – делай вид, что не понял ничего. Слышишь? Пожалуйста!

Сейчас он был снова просто испуганным дедом, которого было жалко.

– Все нормально, дед. Я понял. Не буду лезть. Да и чего ради, правильно?

– Правильно. – Пенсионер сидел в кресле и растерянно смотрел перед собой. – Я предал его, не ты. Мне и доживать с этим. Вот так. Ты обещал, запомни.

Глава 2

Шпаги, разговоры и Бурерожденная

Спал Мишка плохо. Ему снились зубастики, поедающие часы, и везде успевающие темные личности, управляющие временем. Встал он рано, за час до будильника, и долго таращился в темноту за окном. Вчера был странный день. Бедный дед... Совсем ему плохо стало, надо маме сказать, что паранойя у него усилилась. Хотя...

Мишка вспомнил часы. В тот момент он почти поверил. Даже если это хитроумная штука-ковина из дедовской лаборатории (не зря же он столько лет на кафедре общей физики преподавал), все равно штука страшно интересная. Положим, про властелинов времени это шиза, и про механическое время и цифровое тоже бред какой-то, но часы наверняка вещь стоящая. Какие-то волны испускает, может, вообще электрику вырубает, как у Джеймса Бонда. Если вдуматься, чудес, даже таких, нынче совсем немного. Не иначе они там у себя на кафедре что-то изобрели, а потом прикрыли эти исследования. Вот и переживает старик.

Теории заговоров это одно, а вот гаджеты – совсем другое. Тут еще много всякого изобретать можно, верно же?

Он вышел из комнаты. На кухне в полутьме задумался, зачем пришел. Мама должна была встать только через полчаса, есть не хотелось. Он напился из чайника и вернулся к себе. В свете фонарей с улицы комната казалась теплой и уютной. Будто возвращаешься с холода в квартиру, а тут и пахнет как надо, и уходить не хочется.

Он расстегнул молнию на кофре и вытащил свою спортивную рапиру. В ночном сумраке она совсем не казалась спортивной, гарда и клинок с насадкой тускло блеснули, поймав свет с улицы. Михаил сделал выпад и отскок с отмахом. Вышло плохо: он задел клинком стул и замер, прислушиваясь.

Он записался на фехтование полгода назад, и сейчас это казалось самым правильным поступком в его жизни. Может, потому что он сам выбрал, куда пойти, выбрал то, что понравилось. Первый раз, осознанно и категорически. Родители приняли и не стали спорить. Отец удивил: взял и купил ему снаряжение, да еще и не самое дешевое. Это было непривычно, словно Мишка сам теперь отвечал за себя и свою жизнь.

Он сделал еще выпад и воткнул рапиру в подушку на кровати. Обычная жизнь. Обычная школа. Обычные родители. И среди этого обычного рапира в руке намекала на то, что она – самое необычное, что с ним случилось. Ну а что должно в жизни случиться, чтобы можно было сказать: эй, да, я не такой как вы, я совершенно особенный?

Он сделал пируэт, клинок свистнул и чиркнул по стене. Тень смотрелась очень убедительно: с клинком в руке, совсем как в кино. Жаль, никто не видел.

Михаил убрал рапиру в кофр, выглянул в коридор. Мама звенела чем-то на кухне, пахло кофе и сырниками. В ванной шумела вода: отец умывался и брился. Когда все успели встать? Что происходит?

Пока одевался и умывался, время и родители убежали, как вода в раковине.

«Как доешь, посуду сполосни». Это мама из прихожей сказала вроде бы и хлопнула дверь. Ключ в замке повернулся один раз: поленилась закрыть на два оборота. Все правильно, ему выходить скоро. Скоро? Часы на телефоне показывали, что он должен был выйти десять минут назад, чтобы не опоздать. Блин!

Мишка шел по улице и прислушивался к себе. Не такой, как обычно, был день, это точно. Звуки громче? Снег скрипит резче? Или в школу неохота больше, чем вчера? Уже поднимаясь на крыльцо и перекладывая рюкзак с учебниками в левую руку, он понял, почему все не так. Дашка Торгаева сегодня прийти должна, болела две недели. Хотел ведь сходить навестить,

но постеснялся. Он и в классе-то с ней мало разговаривал. Нравилась она Мишке на расстоянии. Отец называл это эффектом Дульсиныи Тобосской. Мишка Сервантеса из школьной программы помнил смутно, поэтому не поленился посмотреть в интернете и потом спорил с отцом, что, в отличии от Дон Кихота или капитана Грея (с его нелепой тягой к совершенно незнакомой девице), он-то Дашку знает нормально, и совсем не обязательно обсуждать с ней аниме и драмы, чтобы понять, что она прикольная девчонка.

На самом деле Мишка и сам не мог понять, зачем смотрит на нее на уроках. Он успокаивался, глядя на ее профиль и светлые волосы, которые она нетерпеливым жестом постоянно заправляла за ухо. Было в этом что-то правильное – не в волосах Дашкиных, конечно, а в его к ней привязанности. Потому что, если подумать, у человека должна быть мечта, женщина и дело. Мишке страшно нравилась эта идея, которую он где-то вычитал. Мечта была уехать путешествовать по миру и стать фотографом National Geographic или хотя бы журнала «Вокруг света». Не для фотографий путешествовать, а для себя. Делом Михаил Щербинин считал свои упражнения в прекрасном с рапирой в руке. Ну и Дашка в это трио отлично подходила на роль женщины. Правда, она еще об этом не знала, но у Мишки были на этот счет планы.

В школе пахло школой: непонятно, но привычно. Он долго не мог решить, что именно так пахнет, и получалось – все понемногу: намытый пол, доски, парты, сменка, еда из столовой, унылые цветы с подоконников. Дашка уже сидела за своей партой через проход и болтала с подружкой. Ничего такая, ресницы длинные, смеется над чем-то. И пока он придумывал, как влезть в их разговор, время кончилось. Звонок уже гнал учеников в классы, и вообще физика первым уроком – это настоящая подлость со стороны реальности.

Насколько запоминающимся может быть обычный школьный день десятиклассника? Спустя полгода Мишка не помнил почти ни одного. В памяти оставались какие-то события, а дни – нет. Но в тот день, когда Дашка Таргариен, Бурерожденная, озарила класс своим присутствием, странности не закончились. Сначала отменили контрольную по алгебре: математичка не пришла, и никто не знал почему. Домой никого не отпустили, на замену прибежала биологичка, сказала, что будет самостоятельная, а Кира Валентиновна потом ее проверит. Самостоятельную тоже не написали. Кто-то позвонил и сообщил, что школа заминирована, и всех быстро выставили во двор. Такого Мишка еще не помнил, но было это, конечно, не страшно и даже весело. Учителя с недовольными лицами, эмчезовцы, беготня, пробка в раздевалке... Дашка оказалась рядом на улице. Они стояли и смотрели на оцепление и директора, который взволнованно что-то объяснял важному эмчезовцу с погонами. Мишка наконец шагнул ближе и сказал:

– Привет... – и после паузы небрежно спросил: – Живая? Без осложнений обошлось?

Дашка покосилась на него, усмехнулась.

– Привет. Да нормально. Валялась, сериалы смотрела.

– Везет, – вздохнул он, – у меня на них вечно времени нет.

Сказал про время и опять вспомнил про деда.

– Ну, ты ж правильный у нас, д'Артаньян, – Дашка глянула на него и снова посмотрела на окна школы. – Я думаю, можно по домам, не будет ничего сегодня уже.

– Наверное, не будет, – кивнул Мишка. – Пошли?

Он уже потом сообразил, что прозвучало это непривычно: проводить, получается, предложил. Дашка удивленно взглянула на него, но не отказалась. Потолкавшись в толпе, они вместе вышли с территории школы и направились через дворы к проспекту. О чем говорили, Мишка запомнил плохо. Волновался. Объяснял что-то про фехтование, про кино, которое начал смотреть. Она кивала и рассказывала о том, как тошно дома с температурой и какие упертые родители. Это был необязательный треп, он вполне мог произойти и в классе, если бы не мешали одноклассники, или во дворе на физкультуре, или где угодно. В каком-то смысле его вообще могло не быть, потому что они давно не сидели вместе – уже год или два, – и ему

казалось, что все точки соприкосновения утеряны и теперь им с Торгаевой не о чем говорить. Оказалось, наоборот.

Предложить проводить до дома Мишка не рискнул. На другой стороне проспекта замедлились возле светофора. Здесь кто-то накатал длинную ледяную дорожку, и Дашка с разбегу проехала по ней. В конце чуть не упала, и он подхватил ее под руку.

– Ты домой сейчас?

Кто это спросил, она?

– Неа... То есть да, хотя... Думал, не смогу сегодня саблей помахать, но, раз так вышло, поеду наколю пару гвардейцев кардинала.

– А посмотреть можно?

Чудеса не заканчивались. Странный день продолжался – это было непривычно и так удивительно. Ничего такого, но они зашли сначала к нему, забрали снаряжение, потом к ней, закинули рюкзак, и Дашка переделалась. В спортшколу поехали вместе. То, что произошло потом, сложно описать понятно, потому что существовали две версии: Мишкина и та, что была на самом деле. Мишка воспринимал это как такую эмоциональную штуку, которую в фильмах помещают в красивую нарезку под музыку. Как россыпь фотокарточек с самыми яркими моментами. Вот на разминке он косится на дверь, а Дашка ходит по коридору и разглядывает портреты чемпионов и кубки в витринах. Вот Мишка, волнуясь, сражается со своим давним соперником Вовкой Спириным, и так красиво это все выглядит: маски, рапиры, звон оружия, стойки. Вот он дурачится и салютует ей клинком во время быстрых поединков и получает за это нагоняй от тренера. Вот Дашка болеет за него, и улыбается, и машет рукой. Вот в боковом зальчике он показывает ей, как держать оружие и как делать выпад. Прихватывает ее пальцы на рукоятке и не смущается. И пальцы у нее горячие. Вот она напротив него с рапирой, серьезная, хмурится притворно, напряжена, и он поддается, пропуская ее смешной выпад. Вот они смеются в буфете и лопают пирожные с чаем. Вот идут обратно, и вечер теплится леденцовыми огнями, и он снова что-то говорит, и разговор не затихает, словно они знают друг друга сто лет.

Так было? Ну почти. Наверное, в голове, в идеальной картинке Мишке хотелось, чтобы было как в кино, но на самом деле реальность тоже оказалась неплохой. Нагоняй от тренера он получил трижды. За то, что не предупредил, за то, что пришел не один, и за то, что отвлекался на тренировке. Но Олег Николаевич давно был тренером и знал подходы к шпажистам всех возрастов. Конечно, он разрешил Дашке и рапиру подержать и даже форму выдал на полчаса. Они стояли такие смешные, в белом, и Дашке все это очень шло: и форма, и клинок в руке – и была она такая тонкая и ловкая. И чай был, и пирожные. А потом оказалось, что ее обыскали, на мобильном было несколько пропущенных вызовов; она ушла говорить к окошку в коридоре и вернулась смущенная.

– Папа сказал, что голову оторвет, – объяснила она. – Школу-то эвакуировали, всем родителям позвонили, мои вернулись – а меня нет. И рюкзака моего не увидели.

– Это я виноват, утащил тебя... придется мне поговорить с твоим отцом...

– Да щас! Мне самой интересно было и... спасибо за все! Классно у вас. Пойдем уже?

И они пошли, потом побежали, потому что нужно было успеть на автобус, который уже выворачивал из-за корпуса СДЮШОРа, а ходил он нечасто, и ехать нужно было еще минут двадцать. И пока болтали на задней площадке и рисовали на замерзшем стекле, Мишка еще сильнее ощутил, что этот странный день кончается, и словно кончается что-то хорошее, будто последний день каникул или последний выходной перед долгой и мучительной школьной неделей.

Подходя к своему подъезду, он втянул носом воздух, выдохнул и посмотрел наверх. Пахло свежеспеченным хлебом. Редкий для Москвы запах, если забыть, что за домом пекарня, а перед домом кофейня. Снег сыпался сверху, мелкий и неслышный. И настроение было таким же. Невесомым и легким, как выдох. Завтра все будет по-другому, но сейчас пока еще все было хорошо. На часах почти семь, в окне комнаты деда темно.

Как проводит вечер человек, у которого был отличный день и куча всего классного и сногшибательного? Правильно: лезет в интернет, чтобы зайти на страницу и посмотреть еще раз, какие она выкладывает фотки, что пишет, чем интересуется. Дашкины фотки были ничего, но уж больно загадочные. Не разглядеть толком ни ее, ни что она там делала. Вытарашенные глаза – это где она с подружкой, и сам кадр кривой, и они тоже кривляются. Ладонь с ягодами и рот, готовый эти ягоды слопать, – это была какая-то старая фотка. А, ну да, летняя же. Ноги в кроссовках над поверхностью воды и отражение, в котором ничего не разберешь. Еще один кривой кадр, где Дашка на каруселях, летит, зажмурившись, и смеется. Дашкино ухо с сережкой-гвоздиком и опять эта непослушная русая прядка. И дальше большинство фоток были похожи на предыдущие, не пойми какие, ни одной нормальной. Только на аватарке она стояла, гордо задрав голову, волосы сзади заплетены, и вообще на этой фотке она явно копировала Дейнерис, то бишь Эмилию Кларк. Ну правильно, Торгаева – Таргариен, прилипло к ней сразу в школе. Мишка вспомнил, как поймал ее пальцы, когда показывал, как держать рапиру, и закрыл соцсеть.

На кухне разговаривали родители, и он вспомнил, что собирался рассказать им про деда. И тут же вспомнил про его часы. Он уже почти забыл, о чем дед болтал вчера. Про часы он говорил, что-то типа бронежилет и автомат Калашникова в одном. Забавно же, разве ими можно от чего-то защититься?

Мама заварила чай, как любила и делала только она. Мишка чай не особо жаловал, но всегда с удовольствием наблюдал, как они с отцом обсуждают что-то и пьют чай не торопясь, будто время чая – это какое-то священное время. Когда нужно просто пить, задумчиво цедить из тонкого фарфора и вести необязательный разговор. Михаил даже иногда приходил просто погреть уши и почувствовать, как хорошо это, когда люди хотят быть вместе. Приятели в классе о родителях говорили редко, огрызались, рассказывали обычно мерзкие вещи, например, как их наказали, или что родакам наплевать, мечтали поскорее закончить школу. Даже Егор почему-то недолюбливал своего батю, хотя тот из кожи вон лез, чтобы дома было все и у всех. А в такие вот вечера Мишка понимал, что с родителями ему повезло.

Сейчас он просто потихоньку прошмыгнул на кухню, взял из мойки кружку, поставил на стол, и мама тут же налила ему чая. Он уселся, насыпал сахара, разболтал и тихонько сидел, даже особо не вслушиваясь в разговор. Отец рассказывал про какие-то полимеры, из которых скоро все начнут делать, мама смеялась и говорила, что от изобретения до внедрения полжизни пройдет. Мишка думал про часы и про то, что надо их как-то испытать. Главное – деду не говорить. В принципе, если взять на денек погонять, то большой беды не будет и не заметит никто. Он еще даже не придумал, как и на чем их будет испытывать, когда краем уха поймал, что мама говорит что-то про деда.

– Много они понимают, – скептически отозвался отец.

– Ну ты ведь не хочешь, чтобы он просто сидел взаперти и молчал, как раньше? – Мама поставила чайник на газ. – Пусть пообщается, он их почти год не видел. А тут забегал: хочу, говорит, в общество, совсем мхом зарос.

– Да пусть, – рассеянно кивнул отец и захрустел печеньем. – Лиф фы товк быф.

– Ну слушай, у нас вон коняшка подрастает, – мама взъерошила Мишке волосы. – Скоро сбежит учиться, жениться, покорять эвересты свои. Сам начнешь папу выманывать в шахматы играть.

– Да с ним играть-то бестолково, – засмеялся отец. – Мат в четырнадцать ходов. Обидно, слушай!

– Погодите, – подпрыгнул Мишка. – Дедуль к друзьям учесал, что ли?

– Учесал – не то слово. – Мама добавила кипятка во френч-пресс, «поженила». – Как ракета сорвался. Только ступени отлетели.

– Какие ступени? – не понял Мишка, допивая чай и уже собираясь убежать.

– Отделяемая часть ракеты-носителя, – пояснил отец уже в спину сыну. – Ты куда?

– Да тут... – небрежно начал Мишка, покидая кухню, но не договорил: мама уже заговорила о подруге, а папа принялся ее подкалывать.

Была еще мысль, что дед забрал часы с собой. Что ж, тогда придется отложить полевые испытания. «Впрочем, какие там испытания? – думал Мишка, прислушиваясь к голосам на кухне и стараясь не шуметь. – Не факт, что вообще что-то работать будет». Завести часы не проблема, а дальше-то что? Портал откроется? Или они вырубят всю электронику в доме?

В комнате у деда было чисто. Уже странно. Нигде ничего не валялось: ни книжек, ни тапочек, ни его профессорских сувениров, которые теснились на полках и постоянно оттуда сваливались.

Дверца шкафа скрипнула. Тут пришлось на ощупь: Михаил не помнил, откуда дед извлек часы и куда спрятал потом. Пальто? Костюм? В шкафу было полно вещей. Обшаривая карманы, Мишка чувствовал себя глупо и стыдно. Он оправдывал себя только тем, что завтра, скорее всего, положит все на место и сделает вид, что ничего не брал, потому что часы часами, а дед расстроится, если вдруг захочет их в руке подержать. В этот момент пальцы нащупали круглый корпус во внутреннем кармане дедовского пиджака. Часы стояли. Или шли, но неслышно. Миша поднес их к уху. Нет, стояли. Так, все это завтра. Сейчас надо бежать к себе, а еще лучше посидеть с родителями. Замаскировать свое отсутствие.

Мишка тихо прикрыл дверь, несколько секунд постоял в коридоре, засовывая часы в карман, выдохнул и потом пошел на кухню.

– Можно еще чаю? – спросил он, видимо, слишком громко, так что мама удивленно посмотрела на него.

Ночью Мишка проснулся, но встать не стал. Нашарил часы под подушкой, сжал в ладони. Нельзя сказать, что он предчувствовал, как изменится его жизнь с завтрашнего дня. Скорее ощущал мир чуть иначе. Звуки за окном, отсветы на потолке. Пальцы чуть покалывало. Хотелось сделать глубокий вдох, словно только это отделяло его от понимания. Он вдохнул, но понятнее не стало.

«Завтра. Все завтра», – сказал он себе и закрыл глаза.

Когда снова открыл их, было уже утро. «До Нового года рукой подать, а елки нет, – подумал Мишка вдруг, – как без елки-то?» Это было странно – думать про елку, когда можно было повспоминать вчерашнюю тренировку, Дашку или часы, которые он выкрал у деда ночью.

«Елка прикольная, – думал он, – не подарки даже, не сам новый год, а именно елка, запах иголок, цветные огни. Когда внутри от этого становится хорошо, и все на тех же местах, где всегда, и мир не тоскливый и холодный. Родители, дед, дом, приятели, ладно, пусть и школа тоже. И где-то далеко впереди все эти будущие вещи: университеты, работы, вся эта муть, которую нужно разгребать, чтобы найти что-то для себя. Но ведь сейчас Новый год... забегу на елочный базар сегодня».

Мишка достал из-под подушки легкие часы, пару раз крутанул колесико завода, сверился с мобильником, перевел стрелки и защелкнул коронку, вдавив ее в корпус.

Возникло ощущение, что на секунду он оказался в невесомости. Ухнул в воздушную яму, как на самолете. Голова zakружиться не успела – мир уже вернулся на свое место и стал еще скучнее. За окном гасли стылые сумерки. В комнате пахло теплой пылью и чуть тянуло запахом сырников с кухни.

«Что, все? – подумал Мишка, глядя на часы в своей руке. – И что я должен испытывать?»

Надел часы на запястье, представил, что это шпионское устройство, взмахнул рукой пару раз. Перенадел часы на левую руку. Ладно. Встать все равно надо.

С сырниками он ошибся. В сковородке его ждал омлет, и Мишка поплелся умываться, предварительно все-таки уточнив:

– Мам, а что с елкой-то у нас? Будем ставить?

- К отцу вопросы. – Мама сидела, уткнувшись в телефон, и что-то читала. – Он взял Новый год под свой неусыпный контроль!
- Ну уж нет, – отозвался Мишка. – Если так, мы вообще не дождемся его наступления.
- Не будь так критичен, – весело отозвалась мама. – Девушки таких не очень любят. Без последней фразы она могла бы и обойтись.

Глава 3

Лангольеры и их хозяйева

Михаил поковырял вилкой омлет, который совершенно не лез в горло, и побрел одеваться. В прихожей долго топтался, нашаривая рукава пуховика. Глаза слипались, и он потерял их, и вообще с наслаждением почесался: и затылок, и макушку, и за ушами. Хотелось просто сосредоточиться, но его не покидало ощущение, что он не проснулся до сих пор. Когда надевал ботинки, в свете лампочки блеснул корпус дедовских часов на руке. В груди кольнуло неловкостью, жалостью к деду и тоской. Не стал снимать с руки. В конце концов, часы были ничего, хоть и старые. В классе засмеют, без сомнения, но можно снять и положить в карман, а после школы опять надеть. И вечером, спокойно вечером. Мама на кухне смотрела телевизор. Отец уже уехал на работу. В комнате деда было темно.

Пока спускался во двор, мысли убежали вперед, к Дашке, с которой теперь стало интересно говорить, но, как вести себя в школе, было пока непонятно; потом к контрольной по алгебре, к Егоровой игровой приставке, подземельям и драконам и так и не созданному новому персонажу, которого Мишка уже выбрал и даже придумал имя. На улице он совсем отвлекся, шел, сшибая снежные шапочки со столбиков забора. Он всегда любил дорогу. Школу – не особо, а вот идти к ней через три квартала, петлять по улочкам и дворам, переходить улицу на светофоре и снова брести дворами он любил. Утром радости от этого было меньше – оно и понятно, а вот обратно всегда шел с удовольствием. Наверное, потому, что уроки уже были в прошлом, а впереди полдня и вечер, и куча всяких дел, и никуда не опаздываешь.

На перекрестке возле перехода ледяная дорожка, накатанная кем-то, вызвала вчерашнее теплое ощущение. Изловчившись, можно было проехать и затормозить прямо у светофора, схватившись рукой за столб. Мишка с разбегу прыгнул на лед и тут мазнул взглядом по электронным часам на козырьке крыльца банка через дорогу. 7:30. Он каким-то чудом вышел раньше почти на час. А ведь вроде опаздывал, когда выбегал из подъезда. Вот как так?

Первым уроком должна была быть контрольная, и на нее (размышлял Мишка), можно попробовать опоздать. Потом шумно раскладывать ручки и учебники, и заодно выяснить свой вариант; классуха будет недовольно смотреть, но не скажет ничего, потому что он все равно напишет хорошо, и она это знает...

Зацепиться за столб он не успел: лед кончился, и Михаил с размаху растянулся на утоптанном снегу, прямо перед каким-то мужиком. Забарахтался, глянул снизу и напрягся. Человек молча стоял, нависая, в черном балахоне с капюшоном, таком необычном, словно сшитом из кусков. И тяжелый взгляд как будто придавил Мишку к земле, хотя тот и взглянул-то мельком.

– Извините, – буркнул он, быстро поднимаясь и убегая за людьми, которые уже пошли через дорогу на зеленый свет.

На другой стороне Мишка оглянулся и увидел, что человек все стоит на том же месте и смотрит ему вслед. А может, и не смотрит – издали этого тяжелого взгляда видно не было, только фигура торчала черным гвоздем неподвижно на фоне сугробов.

На первый урок опоздать не удалось даже специально. Вроде и шел нога за ногу, и у ворот школы ждал одноклассников, и даже успел посмотреть пару дурацких видосов на телефоне с пацанами из параллели. И все равно в класс пришел, как выяснилось, за семь минут до звонка. Когда такое вообще было? Дашка пришла почти со звонком, помахала ему и тут же отвлеклась, полезла в учебник. Контрольные она всегда писала так себе, потому что упиралась в гуманитарные науки, любила их. Мишка не понимал, как можно любить историю или литературу. Это было в его представлении что-то запредельное. Ну ладно, литература еще ничего, но история? Поэтому алгебру Дашка всегда сдувала у него, когда вместе сидели. Но уже три месяца, как их

рассадили, десятый класс перенабрался из «бэ» и «вэ», и вот она торчит в учебнике, а он не смотрит больше, как она прикусывает нижнюю губу, сосредоточенно переписывая примеры. Мда, судьба жестока.

Классуха раздала варианты контрольной, шикнула на болтавших и уткнулась в свой планшет, время от времени грозно посматривая на класс. Контрольная была не то чтобы сложная, но примеров много. Мишка не заметил, как погрузился в процесс, и вынырнул из него, только когда закончил. Написано было слегка неаккуратно, но сойдет. Посмотрел на часы и опешил. Он умудрился сделать все за полчаса. Егор еще пыхтел над пятым заданием, да и вариант у него был другой, и Мишка уставился за окно. Там, на заснеженной ветке американского клена, сидела ворона и клевала что-то, прижатое к ветке когтями.

«Ворон ловлю, – подумал Мишка про себя почти со смехом. – Сделал контрольную раньше всех и бездельничаю. Что происходит вообще?» Ощущение было непривычное, будто с урока сбежал. Все сидели и писали как проклятые: и Светка Ромашина, и Никитос, и даже Антоша-отличник-Ганюшкин – и только он, Михаил Щербинин, юный падаван ордена джедаев клуба «Эфес», смотрел вдаль, туда, где туманные вершины гор...

– Щербинин? Высматриваешь решение за окном? – классуха Вера Семеновна иронизировала в своем духе.

– Никак нет, – ответил Мишка, с сожалением отрывая взгляд от вороны. – Решение уже в тетради. Может, неправильное, но мое собственное, из головы.

Волна веселья прокатилась по классу и тут же стихла под взглядом учительницы. Впрочем, это, наверное, был самый примечательный и необычный момент в этот день. Дальше уроки покатались как обычно, но зрело где-то внутри странное чувство. Так бывает, когда чувствуешь, что скоро что-то произойдет, но не знаешь, плохое или хорошее. Просто ощущаешь приближение непонятно чего. Словно вот-вот наступит праздник. Или экзамен. Часы снять Мишка забыл, но никто их и не заметил. Все уроки они тихонько тикали, и иногда их было слышно, как слышишь часто что-то непривычное уху.

Высокую темную фигуру у ворот школы Мишка заметил не сразу. Шли с Егором и Максом, обсуждали последний чемпионат по контре. Мишка не играл и не смотрел, но вставлял глубокомысленные замечания. Потом присел завязать шнурок. В тяжелые зимние ботинки мама вставила новые шнурки, и они никак не хотели держаться завязанными. Слева дохнуло ветром и глаз зацепился за что-то темное, быстрое. Мишка поднял голову. К нему, страшно растопырив руки, неся тот самый мужик, которого он чуть не сшиб у светофора. Это выглядело дико: скособоченная фигура, балахон этот, из кусков слепленный, лица почти не видно под капюшоном, только глаза железные... Словно кончики шариковой ручки, поблескивающие в прорезях глазниц.

Мишка заорал и шарахнулся назад. Упал и, понятное дело, сразу забарахтался, пытаюсь уползти. Черный человек почти схватил его. Навис сверху. Мишка поднял правую руку, защищаясь, и человека словно током ударило. Он сломался сразу, скорчился и отпрянул. Задергался скомканным одеялом на снегу, нелепо шевелясь. Глаза-стержни беспомощно зашарили вокруг, и совсем не страшный он стал, жалкий, как игрушечный робот, упавший на бок и сучащий ногами и руками. Нет, ног-то как раз и не было, но он шевелился, пытаюсь подняться... Наконец будто вздернулся вверх и метнулся прочь, кренясь на бок.

Мишка, весь в испарине от страха, задышавшись, оглянулся и обалдел. Егор и Макс снимали его на телефоны и давились от смеха.

Наверное, это и правда смешно, когда на тебя нападает не пойми кто, а друзья, вместо того чтобы помочь, гогочут и снимают видео.

– Ты чего, Михан? – выключил, наконец, телефон и встревожился Егор. – Припадок? Чего брякнулся-то?

– Вот вы уроды... – Мишка вытер мокрое лицо, подобрал слетевшую шапку и ошалело оглянулся, но существа уже не было видно. – Чего не помогли? Я чуть не обделался... а вы ржете... а если бы он меня ножом ткнул?

– Да кто? – Макс помог Мишке подняться. – Ты чего валяешься-то? Шел вроде сзади, мы даже не поняли ничего. Орешь. Кидаешься...

Мишка задохнулся от возмущения.

– А этот тип, который на меня напрыгнул?

– Какой тип?

– Вы сейчас издеваетесь, что ли?

– Ну смотри сам... – Егор достал мобильник и включил отснятое видео.

Рано или поздно в жизни любого парня наступает этот момент. Момент веры в то, чего быть не может. Часто его легко проскакивают и живут дальше, взрослея и прекрасно понимая мир вокруг. Иногда – очень редко – мир трескается и не остается целым. И человек трескается вместе с миром, и все потом у него треснутое. Но иногда мир просто меняется, неуловимо и кардинально, впуская в себя неведомые доселе вещи. Конечно, не принцесс и драконов, троллей и эльфов, но вполне себе страшные или странные вещи, которые объяснить нельзя. Вместе с этим меняется и восприятие реальности. Мишка Щербинин увидел и почувствовал мир другим не в тот момент, когда смотрел на экранчик смартфона, открыв рот, и видел там только себя одного. И не через пять минут, когда, через силу посмеявшись вместе с Егором и Максимом, он вернулся на то место и долго разглядывал следы на снегу. Свои следы. Нет, конечно. В этот момент он сам засомневался, был ли черный человек с глазами-стержнями или все это ему привиделось? Другая сторона привычного мира открылась ему, когда он почти дошел до дома. Он уже заворачивал в собственный двор, продолжая размышлять о странном происшествии. Его снова передернуло, когда он вспомнил темную фигуру, и глаза-стержни, и свой панический страх, и тут его окликнули.

– Миша, можно тебя на минутку?

В груди у Мишки похолодело: опять какой-то тип, не страшный, дорого одетый, спокойный и даже улыбающийся. Короткое пальто странного фасона, воротник непривычный. Кстати, он был больше похож на маньяка, чем тот черный. В кино маньяки всегда неприметные и приятные люди. Этот был настолько неприметен и приятен, что аж тошнило.

– Нельзя, – сказал Мишка с вызовом. – Я вас не знаю и знать не хочу!

Он двинулся было дальше, но человек поднял руки и сказал вслед:

– Прости, я знаю, что ты напуган. Я просто хотел извиниться.

Мишка остановился. Это было уже слишком.

– Кто напуган-то? – спросил он, оборачиваясь.

– Конечно, напуган, и это можно понять: лангольеры – не самая приятная компания, а я вмешаться не успел. Я могу объяснить, что произошло, и даже объясню, почему твои друзья его не видели. Ничего не прошу взамен – только выслушай меня. В противном случае наши черные стражи так и будут таскаться за тобой, а это не нужно ни мне, ни тебе, согласен?

Говорил он убедительно, спокойно и даже чуть извиняясь, мол, ну так вышло, слушай, с кем не бывает. Мишка хмуро смотрел на него.

– Ну ты же хочешь понять, что произошло? Я тоже хочу. Вот за спиной у меня кофейня, ты туда с отцом иногда заходишь, верно? Я возьму тебе... ну, например, горячий шоколад, себе кофе, и мы недолго поговорим у всех на виду. Потом – пожалуйста, иди домой и вообще делай все, что хочешь. Обещаю не дотрагиваться до тебя и уйти по первому требованию. Согласен?

Наверное, это была ловушка. Но зачем? За стеклом кофейни девушка-бариста протирала стойку; кофемашины сверкали хромированными ручками и кнопками. Позавчера Мишка с отцом ели здесь мороженое и пили горячий шоколад.

– Я зайду первым и сяду за столик. Идет? – сказал незнакомец. Он опять улыбался, словно хорошее настроение так и лезло из него наружу.

И, не дожидаясь Мишкиной реакции, человек в пальто неторопливо зашел в кофейню, что-то сказал девушке (она заулыбалась и кивнула) и уселся за столик у большого панорамного окна. Показал Мишке на стул напротив. Приглашающе кивнул.

Это точно было нехорошо – идти куда-то с незнакомым типом. Но, с другой стороны, надо же было узнать, что за чучело набросилось на него у школы? Почему хотело его схватить и чего испугалось?

Мишка огляделся. Двор был почти пуст. Тетя Галя из второго подъезда гуляла со своим двухлетним Стасиком, разрушителем песочниц, а дворник отколачивал лед возле Мишкиного подъезда. Кто прибежит на помощь, если он, Мишка, начнет орать, что его похищают? Вряд ли кто-то из них. Но дом был своим, и двор своим, и так нелепо было представлять, что кто-то может его похитить прямо у собственного подъезда. Мишка немного успокоился. Да какое похищение? Это надо куда-то его запихнуть и увезти – если без шума и быстро. Он огляделся и не увидел ни одной машины в радиусе сотни метров. Сомнительно. Впрочем...

Он решительно вошел в кофейню и сразу направился к девушке за стойкой.

– Извините, пожалуйста, – сказал он негромко, – я тут с дальним родственником. Но я его не очень хорошо знаю. Вы не могли бы позвонить в полицию, если он станет странно себя вести?

Улыбка сползла с лица девушки, и она тревожно взглянула на мужчину за столиком.

– Пока все хорошо, – еще тише сказал Мишка. – Мне надо с ним поговорить. Но если что, будьте наготове, ладно?

Бариста кивнула и снова напряженно посмотрела в сторону столика.

– Это правильно, – похвалил мужчину, наблюдая, как Мишка усаживается напротив, – осторожность прежде всего. Куда ты ей сказал звонить, если что? В полицию? Очень хорошо. Впрочем, я уверен, до этого не дойдет. Значит, смотри, Миш: прежде всего хочу извиниться за нашего Оптимуса Прайма⁶.

Тип снова улыбался, и Мишка разглядел, что зубы у него ровные, красивые, как у кинозвезды, и вообще он напоминал какого-то знакомого актера. Приятное лицо, добрые глаза. Тем не менее шло от него опасное, заставляющее напрягаться, ощущение.

– Люди его обычно не видят, а ты увидел. Он этого не понял и решил, что ты угроза. Я вмешаться не успел, Впрочем, помощь моя и не потребовалась – ты прекрасно справился сам.

Мишка молчал.

– Ты можешь звать меня Евгений, если тебе так удобнее.

– Евгений? А кто вы такой, Евгений? Чем вы занимаетесь?

– Михаил, – доверительно сказал Евгений, – мы оба понимаем, что ситуация странная. Давай я объясню максимально понятно, а ты попробуешь мне поверить.

– Это уж как получится, – буркнул Мишка. – Смотря о чем речь пойдет.

– Тебе понравится, – снова расплылся в улыбке Евгений. – Я один из тех, кто управляет временем в его прикладном смысле. Это сложная система, она повсюду, и мы следим, чтобы в ней не было сбоев, катаклизмов и все четко работало. Нейросеть своего рода. Время везде, оно как нейтрино⁷, только не пронизывает, а связывает все. Сейчас покажу. Зрелище потрясающее.

Он шевельнул рукой, и над столом замерцала полусфера размером с волейбольный мяч. Она переливалась белыми всполохами, незнакомыми символами и цифрами. Евгений коснулся поверхности полусферы, и во все стороны, по столу, полу, потолку и даже по стеклам кафе

⁶ Оптимус Прайм – персонаж из вселенной «Трансформеров», лидер автоботов – роботов-трансформеров.

⁷ Нейтрино – крошечная частица, которая рождается во время ядерных реакций; практически не взаимодействует ни с чем вокруг себя и легко проходит сквозь материю.

потянулись белые светящиеся нити. Они дрожали и переливались, словно и столы, и стулья, само кафе, снег за окном, дома и деревья – все состояло из этих белых мерцающих линий. Иногда они вспыхивали, мерцание волной прокатывалось по тонким светящимся струнам и гасло вдали. Переливающийся белым мир был настолько непривычным, что Мишка даже руку отдернул от шевелящейся и помаргивающей поверхности стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.